

**Вопросъ о софистахъ въ настоящемъ трудѣ имѣетъ значеніе регулятивнаго принципа. Принципъ конститутивный лежитъ въ вопросѣ о Платонѣ какъ историческомъ свидѣтелѣ. Причина, по которой взятъ мною за руководящую нить первый, какъ во внутреннихъ свойствахъ втораго, такъ и въ томъ, что предлагаемое изслѣдованіе примыкаетъ къ моему прежнему „Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общей политической и культурной исторіей Греціи“ (1888).**

Тотъ и другой вопросъ интересуютъ меня прежде всего своей спекулятивной стороной. Какъ отразилась самая живая и блестящая дѣйствительность въ умѣ величайшаго изъ мыслителей? Гдѣ въ данномъ случаѣ причина разногласія между гениемъ и толпой? Чье міровоззрѣніе правильнѣе, Платона или его хулителей? На какой почвѣ возможно примиреніе?

Платоново міровоззрѣніе относится къ софистическому какъ положеніе къ отрицанію. Стать на сторону одного значитъ отвергнуть другое и наоборотъ. Платонъ всю вообще современную ему дѣйствительность характеризуетъ какъ софистическую. Очевидно поэтому, что выясненіе вопроса о софистахъ имѣетъ первостепенную важность для оцѣнки его свидѣтельствъ объ этой дѣйствительности. Но этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ не иначе какъ изъ анализа всѣхъ вообще его свидѣтельствъ и въ свѣтѣ общаго его міровоззрѣнія.

Изслѣдованіе распадается на десять главъ. Въ первой я излагаю исторію вопроса и изъ критическаго обзора различныхъ мнѣній о свидѣ-

тельствахъ Платона вивожу задачи изслѣдованія. Во второй устанавливаю почву для критики въ вопросѣ о подлинности Платоновыхъ діалоговъ. Въ третьей изъ основаній философскаго міровоззрѣнія Платона опредѣляю цѣль и свойства его литературной дѣятельности. Въ четвертой провѣряю добытые результаты анализомъ свидѣтельствъ о философахъ. Пятая глава должна содержать анализъ свидѣтельствъ о поэтахъ, шестая — о риторгахъ, седьмая — о политикахъ, восьмая — о софистахъ. Въ девятой я изложу причины господствующаго взгляда на значеніе Платона какъ историческаго свидѣтеля. Наконецъ, десятая будетъ содержать критическій анализъ свидѣтельствъ о софистахъ всѣхъ остальныхъ древнихъ писателей помимо Платона.

Внѣшнія причины вынуждаютъ меня раздѣлить настоящій трудъ на двѣ части и выпустить первую раньше второй. Закапчиваю первую часть четвертой главой, такъ какъ начиная съ пятой перехожу изъ области чисто философскихъ вопросовъ въ область вопросовъ культурныхъ. Вторая часть разработана мною во всѣхъ подробностяхъ. Поэтому большихъ задержекъ въ ея опубликованіи не предвидится. Тѣмъ не менѣе вслѣдствіе ея значительнаго объема она не можетъ появиться раньше будущаго года.

Вопросы, которые я обсуждаю, не новы. Иные разсматривались десятки, другіе сотни и быть можетъ даже болѣе разъ. Считаю поэтому необходимымъ съ самаго начала предварить, что новаго предлагаю я по этимъ старымъ вопросамъ. Ограничиваясь пока первой частью, могу отмѣтить слѣдующее. Методологія Платона изложена на новыхъ основаніяхъ и въ новомъ свѣтѣ. Впервые данъ систематическій сводъ всѣхъ свидѣтельствъ Платона о философахъ. Впервые эти свидѣтельства освѣщены изъ общаго ученія Платона и изъ ученій съ нимъ сродныхъ и ему противоположныхъ. Въ свидѣтельствахъ о Сократѣ указаны новыя стороны (въ вопросѣ объ отрицательномъ характерѣ дѣятельности Сократа, объ отношеніи его ученія къ идеологіи, объ его взглядѣ на математику и проч.). Діалектика тождественнаго и иного въ „Софистѣ“ представлена какъ высшій синтезъ Платонова міровоззрѣнія. Пифагорейскіе элементы Платонизма выяснены болѣе обстоятельно, чѣмъ въ трудахъ предшествовавшихъ изслѣдо-

### III

вателей. Объяснение процесса образования мировой души въ „Тимѣѣ“ совершенно новое. Свидѣтельства о Циникахъ и Мегарикахъ подвергнуты коренному пересмотру, приведенному къ взглядамъ противоположнымъ господствующимъ. Наконецъ, впервые сдѣлана попытка фактическими сопоставленіями показать неосновательность общераспространеннаго предубѣжденія противъ Платона какъ менѣе достовернаго, въ сравненіи съ Аристотелемъ, свидѣтеля въ исторіи греческой философіи.

Разумѣется, не все то хорошо, что ново. Очень возможно, что предлагаемое мною новое хуже стараго, въ особенности тамъ, гдѣ мнѣ приходится идти въ разрѣзъ съ господствовавшими въ теченіе тысячелѣтій мнѣніями, поддерживаемыми къ тому же первѣйшими авторитетами современной науки. Какъ бы то ни было, мною сдѣлано безусловно все, что отъ меня зависѣло, для правильнаго рѣшенія вопроса. Отъ начала до конца весь мой трудъ совершенно самостоятельное изслѣдованіе, основанное на долгомъ изученіи первоисточниковъ. Къ изученію я приступилъ не ради настоящаго вопроса, но самый вопросъ былъ внушенъ изученіемъ. Мнѣ поэтому не приходилось подбирать доводовъ, но лишь ихъ собирать. Основываясь на первоисточникахъ, я не оставилъ безъ вниманія ни одного изъ извѣстныхъ и доступныхъ мнѣ изслѣдованій по рассматриваемымъ вопросамъ и всѣми ихъ указаніями, послѣ предварительной провѣрки, воспользовался. Зная, какъ часто и отъ автора и отъ читателя ускользаетъ ошибка вслѣдствіе неточной постановки вопроса, нераздѣльности доказательствъ, неясности изложенія, многословія, я старался о возможно опредѣленной формулировкѣ задачъ изслѣдованія, раздѣльности въ построеніи анализа, языкъ яснымъ, точнымъ и сжатымъ. Что бы при изложеніи чужихъ мнѣній не вносить ничего ни изъ своихъ недостатковъ, ни изъ своихъ излишествъ, я всегда, насколько позволяла литературная форма, придерживался какъ можно ближе подлинника и старательно избѣгалъ въ историческомъ изложеніи смѣшивать свою мысль съ чужою. Тексты я даю обыкновенно въ переводѣ. При этомъ имѣю цѣлью вмѣстѣ и облегчить читателя и предостеречь себя отъ ошибочнаго пониманія. Всякій,

кто имѣлъ дѣло съ древними авторами, въ особенности филосогами, хорошо знаетъ, какого сильнаго и долгаго умственнаго напряженія требуетъ иногда точный переводъ и какъ часто вслѣдствіе такой умственной работы открываются въ текстѣ совершенно новыя, раньше незамѣченныя стороны, порою подтверждающія подлежащую доказательству мысль, порою неожиданно ее опровергающія. Методъ моего изслѣдованія діалектической, вырабатывающій положенія критикой различныхъ мнѣній и отбѣняющій одинаково какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны вопроса. Но истолковывая вопросъ діалектически, я никогда не вырываю его изъ связи съ тѣми, съ которыми онъ составляетъ органическое цѣлое, и всегда рассматриваю въ свѣтѣ этого цѣлаго. Въ важности такого приѣма мнѣ неоднократно приходилось убѣдиться. Отъ несоблюденія его даже такіе осторожныя и опытные критики какъ Целлеръ допускаютъ порою ничѣмъ инымъ необъяснимыя недосмотры. (См. анализъ свидѣтельствъ Платона о Циникахъ и Мегарикахъ). Въ выборѣ подлежащихъ критикѣ мнѣній я старался быть возможно болѣе полнымъ и оставлялъ въ сторонѣ по второстепеннымъ вопросамъ лишь произвольныя, внутрення предвзятымъ взглядомъ, анализъ которыхъ можетъ быть интересенъ лишь для полемики.

Для пониманія Платона не достаточно одной филологической опытности, необходимо знакомство съ исторіей философіи, при томъ во всемъ ея доступномъ для насъ объемѣ. Всякое явленіе неизмѣнно есть слѣдствіе ряда предшествующихъ, и если не ничтожно, полагаетъ собою рядъ послѣдующихъ. Оттого какъ новая философская мысль находитъ полное истолкованіе лишь изъ всей предшествующей ей исторіи, такъ и наоборотъ, древняя мысль получаетъ истинный смыслъ только въ свѣтѣ всей разившейся на ея почвѣ исторіи. При этомъ порою то, что кажется ничтожнымъ и бессмысленнымъ внѣ исторической связи, оказывается необходимымъ и полнымъ смысла въ общей связности. Всѣ свидѣтельства Платона обусловлены его міровоззрѣніемъ, а между тѣмъ въ сбивчивости, ложности, отсутствіи философской точки зрѣнія у его критиковъ лежитъ одна изъ главныхъ причинъ отрицательнаго отношенія къ его свидѣтельствамъ. Поэтому

о выясненіи чисто философской стороны я заботился не меньше, чѣмъ объ исторической. При критикѣ философскихъ воззрѣній я поставилъ за правило не выходить изъ ихъ основныхъ предположеній, но освѣщать эти предположенія на основаніи того, что завѣщано всею вообще исторіей мысли въ лицѣ лучшихъ ея представителей. Такъ какъ умъ человѣческой трудился надъ выясненіемъ истины съ незапамятныхъ временъ, то по многимъ вопросамъ нельзя сказать ничего новаго. Въ этихъ случаяхъ, если я находилъ чужой аргументъ болѣе счастливымъ, чѣмъ свой, я не стѣснялся приводить его на ряду съ своимъ или даже вмѣсто своего, при томъ, чтобы передѣлкой не лишать его оригинальной силы, по возможности точными словами его автора. При такомъ освѣщеніи истина или ложь разсматриваемаго воззрѣнія должна выступать наиболѣе ярко. На вопросѣ о телеологіи и механизмѣ, какъ центральномъ для Платона, мною сосредоточено особое вниманіе. По цѣлямъ предлагаемаго изслѣдованія я не могъ представить основаній своего міровоззрѣнія въ стройномъ синтезѣ. Но меня повсюду одушевляла одна и та же мысль, что истина лежитъ въ совмѣщеніи Платонизма съ ученіемъ о развитіи.

Филологическая взыскательность при обработкѣ древняго и новаго матеріала ни на одно мгновеніе не заслоняла отъ меня спекулятивной стороны вопроса. Неизмѣнно держусь взгляда, что никакая точность не исключаетъ философскаго углубленія; исключаютъ его дутыя обобщенія, пустой перезвонъ фразъ. Если простой сводъ критически провѣренныхъ фактовъ въ философскомъ отношеніи имѣетъ цѣну лишь какъ основаніе для построения выводовъ, то широкія разсужденія, не основанныя ни на какихъ провѣренныхъ фактахъ, не имѣютъ, за исключеніемъ лишь случаевъ вдохновеннаго прозрѣнія, никакой цѣны. Совмѣщеніе филологической точности съ философской широтой взгляда должно, по моему мнѣнію, быть руководительнымъ идеаломъ историка философіи.

Тамъ, гдѣ само изслѣдованіе переноситъ въ область идеальную, не возбраняю себѣ обращаться къ созданіямъ поэзіи. Въ прекрасномъ вижу путь къ высшей истинѣ, въ поэзіи одинъ изъ живыхъ

ея источниковъ; но подъ прекраснымъ разумѣю красоту не поддѣльную, подъ поэзіей творчество вдохновенное, не реторику.

Не могу не сознавать, что не смотря на всѣ предосторожности, въ моемъ трудѣ должны быть недосмотры и недостатки. Мое единственное оправданіе въ томъ, что (скажу словами поэта) *vagliami il lungo studio e il grande amore.*

Кіевъ, 28 мая  
1891 г.

